

известные Ломоносову. Сомнение могут вызвать лишь обозначение им венгерского и латышского («летского»). Однако и здесь не исключена возможность достаточного практического знакомства. Так, например, в замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера Ломоносов писал: «Прочие доводы господина Миллера, у Бейера занятые, которые состоят в том, как нас венгерцы и литва называют, весьма неважны. А притом я довольно удостоверился, что венгерцы нас называют руссами, а славян разами».⁴ И упрек Миллеру за сведения, взятые из вторых рук, и выражение «я довольно удостоверился» намекают на известную осведомленность Ломоносова в венгерском языке. Приведенная цитата содержит неточность, любопытную, однако, так как она может служить показателем именно практического знакомства Ломоносова с венгерским языком. Как любезно сообщил автору этих строк проф. П. Ариств, слова «раз» в венгерском языке нет, в соответствующем значении употребляется слово «orosz» — «русский». Однако сама ошибка Ломоносова указывает на известный практический, вернее всего, устный навык в венгерском языке. Ломоносов отбросил начальный звук «о», так как принял его за определенный артикль, употребляемый перед словами, начинающимися с согласных, — «а». Возможность смешать звуки «о» и «а» (ср. также во втором случае «раз» вм. «orosz») обусловлена специфическим произношением их в венгерском языке.⁵

В публикуемом документе знаком креста помечен также латышский («летский») язык (возможно, однако, знак относится к стоящему под № 18 литовскому языку). Обращает на себя внимание, что в приводимом списке Ломоносов отказался от употреблявшегося им прежде термина «курландский» (или «куронский») язык и рассматривает языки балтийской группы дифференцированно. Практическое знакомство Ломоносова с этими языками также вполне вероятно. В известной заметке о разделении языков Ломоносов подчеркнул родство славянских и «курландского» языка. Возражая на диссертацию Миллера, он писал: «Курландский язык есть происхождения славянского, так что не токмо большая часть речей, но и склонения и спряжения от славянских весьма мало разнятся». Особенно любопытно указание его на источники осведомленности в языках балтийской группы: «О том, что куронский язык произошел от славянского и отличается от него не больше, чем шведский от немецкого, я узнал не от пруссика Байера, а от многих местных курляндских ученых».⁶

Упоминаемый под № 22 «ромейский» (арамейский) язык, возможно, объяснит значение загадочного термина «аларбейской» в известной заметке о разделении языков.⁷ Предположение М. И. Сухомлинова, якобы в данном

⁴ Там же, т. 6, стр. 33.

⁵ Языки финно-угорской группы были в поле зрения Ломоносова. В «Древней российской истории» он писал: «Народ чюдской — Ю. Л. почитает идола Йомалу, что на ливонском, финском и других чюдских диалектах бога значит» (Полное собр. соч., т. 6, стр. 196), а также: «Лопари белокуры, больше финского облику: язык с финским как французский с итальянским сходны» (Примечания на рукопись Вольтера. Там же, стр. 92).

⁶ Возражения Ломоносова на диссертацию Миллера. М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30 и 54.

⁷ Предположение Ю. М. Лотмана едва ли правильно. «Ромейский» значит «византийский», так как со времени императора Маврикия (VII век) жители Восточной Римской империи стали называться ромейцами. О том, можно ли считать «аларбейский» заменой слова «арамейский», см. мою статью «Славяноведческие интересы Ломоносова» («Научный бюллетень ЛГУ», 1946, № 11—12, стр. 49). О славяноведческих лингвистических